

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 321

И.Р. Ибрагимов

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЕ РИСКИ НЕКОТОРЫХ РАЗВИТЫХ И РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАН И ОПЫТ РОССИИ ПО ВОЗМОЖНЫМ ПУТЯМ ИХ МИНИМИЗАЦИИ

В статье рассматривается система внутривнутриполитических рисков развитых и развивающихся стран, в том числе и России, а также опыт их купирования или сведения к минимуму. Кроме того, предлагается ряд мероприятий для нашей страны, реализация которых позволила бы в будущем существенно снизить эти риски.

Ключевые слова: внутривнутриполитические риски, религиозные, культурные и этнические противоречия, региональные диспропорции, местнический национализм, система образования.

DOMESTIC POLITICAL RISKS IN SOME DEVELOPED AND DEVELOPING COUNTRIES AND THE EXPERIENCE OF RUSSIA ON POSSIBLE WAYS TO MINIMIZE THEM

This article discusses the risks of internal political system of developed and developing countries, including Russia, and dwells on the experience of cupping or minimizing them. In addition, it proposes a number of activities for this country which would significantly reduce these risks in the future.

Key words: political risks, religious, cultural and ethnic divisions, regional disparities, parochial nationalism, education system.

В настоящее время в мире существуют, в подавляющем числе, два типа государств – унитарные и федеративные. Причем многие из унитарных являются таковыми лишь номинально (Китай – автономность Гонконга и Тибета, Франция – автономность Корсики и т.д.). Созданные в свое время по разным лекалам, они имеют ныне близкие проблемы, связанные с внутривнутриполитическими рисками их дальнейшего устойчивого существования и развития. Так, часть каталонцев желает выйти из состава Испании, шотландцев – из Великобритании, техасцев – из США, Тибет мечтает обрести независимость от Китая и т.д. Причин данного явления множество, но главные – три: религиозные и культурологические противоречия между местными жителями, мигрантами и местным населением; местнический национализм; экономические диспропорции в развитии. Истоки этих явлений закладывались еще на стадии формирования государств. Последние создавались, как правило, не только добровольным объединением близлежащих территорий, сходных по этническому и религиозному составу населения, а также добровольным вхождением в их состав других этнических и религиозных групп, но и посредством военных действий. По прошествии времени эти первоначальные проблемы медлен-

но вызревали, причем зачастую не без непрофессионального «активного» участия центральных властей и действий извне [2].

В настоящее время в большей степени на возросшие политические риски разных государств планеты влияют внутристрановые религиозные и культурологические противоречия проживающего на их территории населения. К примеру, Турция, Иран, Сирия и Ирак включают в себя территории компактного проживания курдов, которые ни этнически, ни религиозно не вписываются в местную культурно-религиозную среду и вот уже несколько столетий пытаются создать собственное государство. Попытки их интеграции в режиме светского государства имели определенный успех, но как только эти страны переходили в своем внутреннем устройстве на религиозные основы, реакция не заставляла себя ждать. Между тем и внутри мусульманского мира все обстоит очень непросто. Сунниты и шииты активно противоборствуют друг другу, создавая внутри своих государств очаги напряженности и увеличивая политические риски их существования и развития.

Все эти проблемы присущи не только азиатским государствам. Во второй половине XX в. серьезные конфессиональные конфликты бушевали и на территории Западной Европы, доходя иногда до вооруженных столкновений. В первую очередь следует назвать противостояние Греции и Турции на острове Кипр, Великобритании и Ирландии (Белфаст), Испании – со Страной Басков. В настоящее время вооруженную стадию этих конфликтов удалось купировать, но религиозно-культурологический аспект проблемы так и остается до конца не решенным. Последнее в свою очередь создает питательную среду для возможных в будущих политических потрясений [1].

И наконец, мигранты. Не будем касаться здесь США и Восточной Европы, а обратимся опять-таки к ближайшему опыту Западной. После Второй мировой войны началось восстановление разрушенной экономики Западной Европы, и прежде всего Германии. Для поддержания ее экономического подъема не стало хватать рабочих рук, главным образом мужских (последствия войны). И страны Запада стали ввозить рабочую силу из других регионов мира. В частности, ФРГ локализовала свои усилия в основном на Турции. Уже к 1990 г. большинство цехов промышленных предприятий этой страны выглядели так: немец мастер, работники в основном турки или (намного реже) югославы. Поэтому к настоящему времени из общего числа населения турки составляют более 10%. Этот показатель мог быть и более высоким, если бы не присоединение в 1990 г. к ФРГ территории бывшей ГДР, где этнический состав населения был сравнительно однородным.

Несколько иной характер имела внешняя трудовая миграция в Англии и во Франции. Здесь основной поток приезжих обеспечивался в основном за счет выходцев из их бывших колоний в Африке и на Ближнем Востоке. Но с точки зрения этнического, культурологического и религиозного состава мигрантов, различий с ФРГ практически не было. Как и в том, на каких работах использовался их труд – низкоквалифицированных и неквалифицированных, а также непрестижных для местного коренного населения [1].

Другая обозначенная выше проблема – местнический национализм. Он присущ практически всем государствам, независимо от их этнического состава, и обусловлен главным образом историческими причинами, уходящими корнями в период их формирования. Обратимся еще раз к Западной Европе. Здесь в Нидерландах фламандцы серьезно недолюбливают голландцев, в Бельгии – та же история, в Германии восточные немцы не очень жалуют западных, внутри же западных земель тоже нет единства («ах эти швабы») и т.п. [2].

Впрочем, когда экономическая ситуация более или менее стабильна (циклические кризисы не в счет, они хоть и отражаются на жизнедеятельности населения, но не катастрофично), этот местнический национализм особой опасности не представляет. Люди активно взаимодействуют друг с дру-

гом без учета национальной и территориальной принадлежности того или иного лица, заключаются межэтнические браки, создаются и развиваются межтерриториальные предприятия и кооперация.

Однако все не так радужно в этом вопросе, как может показаться на первый взгляд. В настоящее время экономическая ситуация в мире крайне неустойчива. Это касается и Азии, и Европы, и Африки, и двух Америк. Экономике как развитых, так и развивающихся стран лихорадит, и они в любой момент могут скатиться в затяжной глубокий экономический кризис, вызванный прежде всего более чем двукратным переизбытком денежной массы по отношению к совокупной стоимости товарной массы и услуг. Этот кризис может оказаться куда более серьезным испытанием для всего мира, чем «Великая депрессия», выходом из которой, как известно, была Вторая мировая война. Финансовый крах множества предприятий приведет к массовой безработице, галопирующая инфляция быстро обесценит текущие и пенсионные накопления большинства населения и т.д.

В этой связи мелкие на первый взгляд проблемы, обусловленные местническим национализмом, могут вспыхнуть, и начнется поиск виноватых, прежде всего в среде «других». Примером этого может послужить Германия, конца 20 – начала 30-х гг. прошлого века. Виноватыми были объявлены евреи, и, как показывают существующие и опубликованные данные, в целом за счет изъятия «богатств» у последних немцы обогатились примерно на 5%. Поэтому нерешенные и не решаемые ныне вопросы местного национализма могут выстрелить завтра в прямом и переносном смысле и резко усилить политическую неустойчивость государств, где они сейчас наблюдаются.

И последний момент – экономические диспропорции в развитии территорий, входящих в состав того или иного государства. На первый взгляд, данная проблема не столь значительна, чтобы выделять ее отдельной строкой. Однако это далеко не так. К примеру, упомянутые здесь Техас, Шотландия и Каталония мотивируют свое желание обрести государственную независимость именно этой причиной. Часть их населения считает (и не без основания), что кормит другие регионы страны. А в случае существенного ухудшения в экономике это может привести в дальнейшем к тяжелым потрясениям.

Достаточно вспомнить распад Советского Союза. Когда ситуация со снабжением населения страны товарами повседневного спроса резко ухудшилась, все республики стали активно утверждать, что именно они кормят других. И пошел «парад суверенитетов». А дальше уже внутри России разные регионы стали конфликтовать с соседями по этим вопросам, и появилась чудовищная с точки зрения существования страны идея регионального хозрасчета. Правда, первоначально как со способом дезинтеграции с СССР с ней выступили союзные республики, но после распада Союза – уже и регионы РФ. В результате Россия чуть было не развалилась на части. Но если в случае с Союзом распад некогда единого государства был во многом обусловлен долго копившимися национально-культурными противоречиями и экономическими диспропорциями в развитии республик, то в РФ – уже инерцией общего распада и безграмотной внутренней национальной и региональной политикой российского руководства. Единственным позитивом в прекращении существования СССР, как утверждают многие политологи, является его сравнительно мирный характер. С этим можно согласиться, но лишь в одном контексте – не было большой войны. Однако события в Грузии, Нагорном Карабахе, в Литве, в Ферганской долине и Таджикистане не позволяют однозначно трактовать это «расставание» как полностью мирное. И последние украинские события подтверждают данный тезис.

Другой, обратный, пример – кровавый и затяжной югославский кризис. То, что он был инициирован извне, вряд ли кто-то из серьезных политологов будет отрицать. Между тем основа его была заложена еще на стадии послевоенного формирования этого государства – взаимное внутреннее противодействие двух главных частей страны – Сербии и Хорватии. Во время Второй мировой войны

хорватские устоши, поддержавшие нацистскую Германию, жестоко подавляли сопротивление сербского народа фашистской оккупации. В течение 45 лет «совместной жизни» эти проблемы так и не были решены. Пока страной правил хорват Броз Тито, они как-то гасились, а с его кончиной огонь вражды разгорелся вновь. Повод тот же, что и в СССР, – межрегиональные экономические диспропорции на фоне экономического кризиса в стране, и уже упомянутое внешнее воздействие (вооруженные конфликты в Боснии и в Косово имели уже чисто национально-религиозный характер).

Неравенство в экономическом развитии регионов (Бенгази и Триполи) послужило базовой основой для инспирирования внешними силами гражданской войны в Ливии. Из-за приведенных выше противоречий пылает половина Африки, есть серьезные проблемы у Китая (кроме Тибета, еще и уйгуро-монгольская), не все спокойно в Бразилии из-за региональных экономических диспропорций и т.д. Но вот вопрос: есть ли приемлемые способы и механизмы минимизации политических рисков, вызванных этими процессами?

Чтобы ответить на него, обратимся к опыту тех стран, где они, по крайней мере на первый взгляд, не так велики. Прежде всего это США – «плавильный котел народов» как иногда некоторые политологи называют это государство.

Немного истории. Первыми, кто прибыл на этот континент, были, как известно, испанцы. За ними последовали португальцы, голландцы, затем англичане, французы, немцы, ирландцы, европейские евреи, итальянцы, а далее все остальные представители европейских государств. Это было последнее «Великое переселение народов», его основным актом является уничтожение, подавление, а в последующем – ассимиляция или сегрегация (полная или частичная) коренного населения занимаемой территории. Переселенцы переезжали на новое место жительства в большинстве по своей воле, имели (за исключением евреев) близкую религиозную идентичность (христианство в его различных модификациях), принадлежали к близкой антропологической и языковой группе (индоевропейской), преследовали, как правило, одни цели и были привержены к сходным культурным ценностям. Чего нельзя сказать про жителей Африканского континента, перевозимых туда насильственно и используемых в качестве рабов в основном на сельскохозяйственных плантациях. Это последнее (плюс коренное население) в свою очередь предопределило конфликтационный характер взаимодействия разных групп населения, проживающего совместно на одной территории (США).

Пик конфликта с насильственно вывезенным населением пришелся на 50-60-е гг. прошлого столетия, но до этого – в конце XIX и начале XX вв. – был «кардинальным» образом решен вопрос с коренным населением страны. Оно было либо ассимилировано (межрасовые браки), либо уничтожено (за убийство индейца еще в начале XX столетия давали 10 долларов), либо загнано в резервации, мало приспособленные для привычного для данного этноса образа жизни. Результатом разрешения конфликта было принятие законодательных вердиктов, предоставляющих афроамериканцам и индейцам избирательное право и социальное обеспечение, формально не отличающееся от «белого» населения страны.

Другим элементом снижения уровня конфронтации стал другой нормативный акт, принятый в начале 60-х гг. XX в., начавшийся реализовываться в середине 60-х гг. (в разных штатах – в разное время) и называемый «принципом социального выравнивания». Основным его элементом является школьная реформа. Сущность ее заключается в следующем. Во-первых, вся страна делится на школьные округа. Причем территории этих округов могут не совпадать ни с городским, ни с внутриштатным, ни со штатным делением страны. Во-вторых, все округа были поделены на школьные районы. В-третьих (самое главное), все ученики, живущие в этом районе, независимо от расовой принадлежности и уровня дохода их родителей, обязаны посещать именно ту школу, которая находится в их школьном районе.

Создателями этой системы предполагалось, что совместное обучение и школьное воспитание, пусть не сразу, но в будущем точно, создадут социально-психологическую систему общности, снижающую расово-культурологическое неприятие, и равные возможности в будущем для всего подрастающего поколения страны, избавив ее от конфликтов или существенно снизив градус их напряженности. Важно отметить, что школьная реформа сопровождалась значительным снижением требований к знаниям учеников. Программы стали ориентироваться уже даже не на средних, а на слабых учащихся [3].

Третьим элементом претворения в жизнь этого плана стала идеолого-досуговая сфера, реализуемая посредством кинематографа, музыки и спорта. В кинематографе (на телеэкране) на первом этапе потомки бывших рабов и коренного населения (индейцев) стали играть эпизодические, но положительные роли, затем им стали предоставлять положительные роли второго плана, далее – уже главных героев картин (полицейских, военных, обычных граждан и как апогей – главных менеджеров крупных компаний) и последнее – отрицательных героев в связке с «белым» антигероем [3].

В музыке этот подход стал проявляться в издании миллионными тиражами музыкальных произведений действительно талантливых композиторов и исполнителей, работающих как в сфере джаза (первоначально), так и в других музыкальных направлениях [3].

Что касается спорта, то здесь тоже есть своя специфика. Заметив, что афроамериканцы в целом имеют повышенный уровень моторики по сравнению с другими, их стали сначала активно привлекать в различные спортивные секции, далее в колледжах ввели стипендию на обучение лиц, имеющих высокие показатели в школьном спорте (студенческий спорт США). Эти мероприятия позволили получать высшее образования немалой части негритянской молодежи, не имеющей финансовых ресурсов для продолжения послешкольного образования [3].

Третий путь данного сценария заключался в кадровой политике как государства, так и частного сектора. Он начался с привлечения потомков бывших рабов в подразделения полиции, осуществляющие контроль над территориями городов с преобладающим афроамериканским населением. Юристы, экономисты и менеджеры к тому времени среди негритянского населения США уже были. Но они, как правило, работали в рамках своей расовой общины. Другое дело – госорганы: в федеральной прокуратуре, судах, среди мэров городов и губернаторов штатов этих людей практически не было. Но движение началось, и появились адвокаты федерального уровня, прокуроры и судьи сначала штатной, а затем государственной компетенции [3].

Идея по своей сути была прекрасна, как и все механизмы ее претворения в жизнь, и в случае ее реализации должна была принести через пару десятков лет положительные плоды. Сначала она вроде бы сработала. Уровень межрасовой конфронтации спал, общественная стабильность существенно повысилась. Но в настоящее время страна все чаще и больше сталкивается с проблемами расового насилия. Так, к примеру, больше половины всех убитых полицейскими гражданских лиц – афроамериканцы, две трети заключенных, сидящих в тюрьмах США, – они же.

Другой момент: не желая, чтобы их дети учились в одной школе с «черными» и получали «адаптированные» знания, не позволяющие поступить в приличный колледж, представители среднего класса (большая часть населения США) стали покидать города и переселяться в пригородные селения, где по кустовому методу возводились школы, подавляющая часть учеников которых была представлена «белыми» детьми [3].

Другой пример решения этих проблем демонстрирует Россия. Будучи еще в период своего формирования многоконфессиональным, многонациональным и межрасовым (индоевропейская, тюркская и монголоидная расы) образованием, она изначально столкнулась с проблемами религиоз-

но-культурного характера, которые иногда разрешались военным путем. Но столетия совместного проживания постепенно снизили остроту противоречий. Религиозная и культурная терпимость царского, а затем советского правительства, создание условий культурной автономии мест компактного проживания представителей титульной нации и сравнительная индифферентность к проблеме вероисповедания – всё это позволило исполнять всем конфессиям свои обряды за пределами базового места жительства, т.е. по всей стране. С другой стороны, отсутствие (за редким исключением) ограничений карьерного роста по национальному и религиозному признаку, равный доступ к образованию (представителей одинаковых сословий в царское время) позволили вовлечь практически всех граждан страны в ее социально-экономическое развитие. В результате Россия стала поистине многонациональным государством с реальной, а не мнимой мультикультурной средой (конфликт конца XX в. на Северном Кавказе можно в данном случае не брать в расчет – виной его просчеты руководства страны).

Есть ли сейчас в России местнический национализм? Да, есть – якутский, бурятский, татарский (хотя правильнее было бы говорить болгарский), чеченский и т.д. Москвичи недоброжелательно относятся к представителям провинции («понаехали»), а жители регионов – к москвичам («жируют»). В той же Чечне территориально обособленные кланы с недоверием относятся друг к другу. Этот перечень можно продолжить. Но дело в другом. В общекультурном плане практически все жители страны с одним образовательным уровнем, как правило, не имеют различий, хотя и несут местные особенности как национальные, так и религиозные. При этом последнее не является помехой ни для профессионального, ни для карьерного роста как внутри своих территориальных образований, так и в стране в целом.

Как это было достигнуто? Ответ прост – образовательная политика Советского, а затем Российского государства. В чем она заключается? На первый взгляд она чем-то напоминает систему «социального выравнивания», позже примененную в США. Но это лишь внешне. Различия, как известно, в деталях. Так, во-первых, образовательная система нашей страны была ориентирована прежде всего на среднего ученика, с выделением более успешных. Во-вторых, спортивные и другие результаты в период обучения в школе практически не давали никаких преференций для дальнейшего продолжения образования. В-третьих, расовая и религиозная идентичность не учитывалась (за редким исключением) ни в школьном, ни послешкольном образовании. В-четвертых, выпускники школ, независимо от места окончания школы, могли поступать в высшие учебные заведения, расположенные как в собственном регионе, так и любой другом, необходимо было только сдать на общих основаниях вступительные экзамены. Все эти общие правила нивелировали значение расовой и религиозной принадлежности, оставив лишь одно значение – успехи в учебе.

Однако, как известно, «ничто не вечно под луною», и в настоящее время система довузовского образования претерпевает существенные изменения. Это прежде всего новая система оценки знаний школьников (ЕГЭ) как инструмент, с одной стороны, оценки знаний выпускников школ, а с другой, – как способа поступления в вуз, без необходимости выезда с места жительства для сдачи вступительных экзаменов.

Система ЕГЭ и до ее внедрения, и сейчас подвергается острой критике со стороны так называемой «просвещенной общественности». Есть основания для этой критики? Да, есть. Данный подход в системе школа – вуз (без оценки его коррупционной составляющей, которая была и при предыдущей системе), при существенном расширении возможностей талантливых учеников периферийных районов страны поступать в ведущие высшие заведения страны (что является ее несомненным плюсом), имеет один существенный недостаток, который и является предметом критики. Суть его заклю-

чается в том, что практически все время учебы в старших классах школы направлено на подготовку к сдаче ЕГЭ. Опыт последних лет показывает, что проблема действительно существует. Вопрос в другом – как решить эту проблему, не «выплескивая из ванны с водой и ребенка»?

Есть несколько вариантов решения этой проблемы.

Первый – оставить данный подход концептуально во всех его элементах и совершенствовать систему по всем направлениям ее реализации. Второй, ретроспективный, – вернуться к прежним принципам оценки школьников и их приема в вуз. Третий, промежуточный, – ввести в школах ранее существовавшие экзамены на аттестат зрелости как свидетельство о получении среднего образования при сохранении ЕГЭ как инструмента поступления в высшее учебное заведение. Представляется, что последний вариант в соединении с первым – предпочтителен и в наибольшей степени отвечает на стоящим политическим вызовам – как внешним, так и внутренним.

Как это можно сделать? Один из вариантов – введение дополнительного года школьного обучения. Проще снизу (школа с 6 лет), а правильнее – сверху. В результате после 11 лет обучения ученики сдают по полной программе выпускные экзамены на аттестат зрелости, а на 12-м году готовятся к сдаче ЕГЭ только по выбранным ими предметам, углубленно их изучая.

Но образовательная система – это лишь один из элементов и способов снижения внутривнутриполитических рисков. В России, как и в большинстве других стран, не преодолены экономические диспропорции в развитии регионов страны. Уровни жизни населения в разных субъектах Федерации отличаются очень существенно [4]. Это в свою очередь создает известное социальное напряжение, которое выражается, с одной стороны, в нерегулируемой межрегиональной миграции, а с другой, – в росте местных протестных настроений. На первый взгляд, это не очень важная проблема с точки зрения будущих политических рисков нашей страны. Однако необходимо еще раз напомнить об уже приведенном здесь опыте конца 80 – начала 90-х гг. прошлого столетия. Пытается ли нынешнее государство решить эту проблему? Да, пытается. Прежде всего за счет межрегионального перераспределения через центр финансовых ресурсов (субсидии, трансферты). Это, конечно, путь. Но, как показывает опыт других стран, он быстро реализуем, однако хорош как временная мера и ведет к тому, что доля регионов-доноров постепенно снижается, а получателей государственных средств – растет, что мы и наблюдаем сейчас в нашей стране.

Есть и другой вариант, пусть долгий и сложный, но стратегически более оптимальный: отказаться от концепции унитарного подхода в экономико-финансовой (в том числе налоговой) сфере, перейдя в этом вопросе на групповую идеологию (сходные по своим параметрам регионы имеют одинаковые в законодательном смысле регулятивные финансово-экономические механизмы). В настоящее время российское правительство пытается это сделать (индивидуальные программы развития территорий). Однако это лишь точечные действия, а нужна общая долгосрочная (как минимум на 25 лет) стратегия реформирования в территориальном плане экономического пространства страны с целью создать режим наибольшего благоприятствования для развития имеющегося потенциала регионов.

Какие выводы можно сделать из изложенного в этой статье?

Первый. Мир в настоящее время (по крайней мере существенное число стран) находится в ситуации пертурбации. Причины этого – как застоялые проблемы, которые не решались прежде, так и резко выросший уровень информационной связи между людьми («арабская весна», кроме реальных проблем в экономике, была обусловлена «Интернетом» – случай в Тунисе).

Второй. Предпринимаемые до настоящего времени странами Запада способы снижения религиозно-культурного противоречия и местнического национализма уже не дают должного эффекта и усугубляют политические риски устойчивости этих стран.

Третий. Многовековой опыт России межконфессиональных, культурных и этнических взаимодействий народов, проживающих на ее территории, является важнейшим элементом мировой культуры в широком смысле этого слова и требует основательного осмысления для внедрения в мировую практику с целью стабилизации внутривнутриполитических рисков других стран.

Четвертый. Одним из важнейших элементов снижения внутривнутриполитических рисков, обусловленных культурно-религиозными и этническими противоречиями, является система школьного и послешкольного образования. Именно она выступает в роли фундамента в построении здания современного стабильного государства. Но будучи важнейшим элементом политической и экономической стабильности, образовательная система сама по себе не может быть статичной, она вбирает в себя вызовы времени и эволюционирует согласно их требованиям.

Пятый. Для снижения межрегиональных диспропорций в развитии страны следует перейти от системы унитарных экономических правил к групповым. Для этого необходима долгосрочная программа, учитывающая весь спектр территориальных особенностей регионов (природных, сырьевых, технических, инфраструктурных, демографических, культурологических, этнических, экономических).

---

1. Андерсон, Б. Нации и национализм. – М.: Праксис, 2002.

2. Курица, С., Воробьев, В. Болезни государства (диагностика патологий системы государственного управления и права). – М.: МГИМО (У) МНД России, 2009.

3. США глазами американских социологов (социальные аспекты американского образа жизни). – Книга 1. – М.: Наука, 1982.

4. Сводная таблица бюджетов РФ на 01.01.2015. Министерство финансов Российской Федерации.